

The image is a book cover for a historical romance novel. It features a man and a woman in period clothing. The man has dark, wavy hair and a beard, wearing a brown velvet coat over a dark vest. The woman has long, wavy blonde hair and is wearing a green corset with lace-up details and a full green skirt. They are standing in a field with two goats, one white and one brown. In the background, there is a rustic wooden house with a thatched roof. The scene is set during autumn, with orange and yellow leaves visible. In the top left corner, there is a small, ornate logo featuring a woman's face and a heart. The title is written in large, gold, serif letters at the bottom.

ТОМА ДИ

ХОЗЯЙКА УСАДЬБЫ
— ♦ —
ВТОРОЙ ШАНС
ОТ СУДЬБЫ

Тома ДИ

**Хозяйка усадьбы.
Второй шанс от судьбы**

«Автор»

2026

Тома ДИ

Хозяйка усадьбы. Второй шанс от судьбы / Тома ДИ — «Автор», 2026

Муж выгнал меня за то что не смогла родить наследника. Всё, что у меня осталось — заброшенная усадьба на краю света. Дом встречает меня вопросом: «КТО?» Я отвечаю: «Хозяйка». И он впускает меня. Здесь меня ждут руины, заросший сад и дракон в корзине с тряпками. А ещё сосед, который не боится моих тайн и помогает белить стены. Говорят, второй шанс от судьбы — это миф. Но я докажу, что и на краю света можно стать счастливой. Даже если для этого придётся засучить рукава и поверить в магию.

© Тома ДИ, 2026

© Автор, 2026

Содержание

глава 1	5
глава 2	7
глава 3	8
глава 4	10
глава 5	12
глава 6	14
глава 7	16
глава 8	18
глава 9	20
глава 10	22
глава 11	24
глава 12	26
глава 13	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Тома ДИ

Хозяйка усадьбы. Второй шанс от судьбы

глава 1

Аромат свежего хлеба и утреннего кофе смешивается в солнечной столовой. Мои пальцы привычно обхватывают тяжёлый серебряный кувшинчик, и я аккуратно подливаю Люцию в чашку густые, душистые сливки, именно такие, как он любит. Пять лет брака вписали этот жест в мою привычку, сделали его частью утра, знаком чего-то незыблемого, постоянного.

Люций, не отрываясь от своих бесконечных бумаг, протягивает руку не глядя. Его движения всегда точны, лишены суеты. Такой он и есть — человек из железа и расчёта. Я когда-то думала, что ему не хватает мягкости и нежности, но потом приняла его и таким, это его сильная сторона, нельзя от такого отказываться.

— Погода сегодня обещает быть ясной, — тихо говорю я, просто чтобы сказать что-то, чтобы заполнить тишину, которую он так любит. — Может, съездим на прогулку к озеру, покормим лебедей?

Он отпивает глоток кофе, ставит фарфоровую чашку на блюдце, и это звяканье кажется неестественно громким. Мой любимый, вечно суровый и не позволяющий себе ни капли нежности муж откладывает бумаги в сторону, и его взгляд, тяжёлый и холодный, наконец-то останавливается на мне.

— Фаина, наш брак расторгнут. С сегодняшнего дня.

Тишина обрушивается на мою голову и густым холодным ощущением растекается по телу. Не просто отсутствие звука, а нечто плотное, звенящее, заполняющее уши ватой. Я застываю, и кувшин со сливками замирает в моей руке, будто врос в ладонь. Мой мозг отказывается собирать эти слова в осмысленную фразу. Они прозвучали так же буднично, как «к обеду подадут ростбиф».

— Что ты сказал? — это единственное, что я могу произнести.

Рот открывается сам по себе, а в горле застревает ком: горячий, колющий ком из возмущения, ужаса и полного непонимания. Я просто не могу в это поверить.

— Ты слышала меня, — его голос даже не дрогнул, в нём только звенящая сталь. — Ты за пять лет брака не смогла родить мне сына. Наследника. Посему ты мне больше не нужна.

Каждое слово как удар хлыстом по лицу.

«Не смогла».

«Не нужна».

Я смотрю на это знакомое, некогда любимое лицо и вижу маску абсолютно чужого, жестокого человека. Все эти годы он ждал от меня одного... а я ведь старалась, пила горькие микстуры, слушала советы знахарок и шептала молитвы. А теперь на мне крест, как на сломанной игрушке.

— Люций... но мы... можно ведь попробовать ещё... — бессмысленно лепечу я, и тут же чувствую, как по щекам ползут предательские горячие слёзы, ненавижу себя за эту слабость.

— Нет. Я уже всё решил. Бумаги оформлены, свиток, освобождающий тебя от супружеских обязанностей, привезёт посыльный. Пока просто можешь верить моему слову. Чего замерла? — он резко обрывает, и в его глазах вспыхивает раздражение, Люций видит мою растерянность, боль, и, кажется, это доставляет ему удовольствие, укрепляя в своей правоте. — Иди вещи собирай. У тебя есть два часа.

И в этот момент в столовую, словно сойдя с обложки модного журнала, входит она. Алисия. Дочь купца первой гильдии, юная, румяная, в дорогом парчовом платье, которое обя-

гивает её уже заметно округлившийся живот. Она улыбается, и взглядом скользит по мне, по моему побледневшему лицу, с лёгким, почти незаметным презрением, прежде чем устремиться к Люцию.

— Люций, дорогой, я не помешала? — её голосок, сладкий и звонкий, режет слух, она подходит к нему, обвивает его руку своими и нежно прижимается щекой к его плечу. — Малыш сегодня так сильно пинается, будто торопится увидеть своего могучего папеньку.

И Люций... Люций, который никогда не позволял себе при слугах и при мне подобных нежностей, снисходительно улыбается и кладёт свою широкую ладонь поверх её руки на округлом животе.

— Нисколько не помешала, любовь моя. Я всегда рад тебя видеть.

Стою, словно вкопанная в пол и смотрю на эту картину: мой муж, чужая беременная девушка, моё публичное унижение... Все пазлы с торжественным грохотом складываются в единую, чудовищную картину. Он не просто выгоняет меня. Он заранее нашёл мне замену. Плодовитая, молодая, с богатым приданым. Идеальный вариант.

Возмущение, наконец, прорывается сквозь шок, но выливается не в крик, а в ледяной, тихий вопрос, который я едва узнаю как свой собственный:

— И куда же я должна уехать?

Люций, не отрывая взгляда от сияющей Алисии, кивает головой в сторону окна.

— В ту лачугу, что тебе от тётки осталась. На краю королевства. Там и оседешь. Ключ у управляющего.

«Лебединая Гавань».

Заброшенная усадьба, о которой все давно забыли. Моё единственное имущество, которое он по какой-то причине не удосужился присвоить. Моя тюрьма. И теперь моя ссылка.

Алисия улыбается мне, и в этой улыбке столько ядовитого торжества, что меня передёргивает.

— Не переживай, Фаина, я позабочусь о твоих розах в саду. И о Люции, конечно. Если хочешь, мы даже приедем к тебе в гости, как только родится наш первенец, — она звонко смеётся, чётко и однозначно намекая на то, что я здесь больше никому не нужна.

— Даже не думай об этом, — злобно шепчу я.

Больше не слышу ни её сладкий голос, ни его тяжёлое молчание. Я медленно поворачиваюсь и выхожу из столовой. Моя спина неестественно прямая, а внутри всё дрожит и рушится, словно картонный домик.

Пять лет жизни. Пять лет любви, заботы и глупых надежд оказались пылью, которую просто смахнули со стола, освобождая место для новой, настоящей хозяйки.

Я поднимаюсь по лестнице в свою, уже бывшую, опочивальню. Дверь закрывается за мной с тихим, но окончательным щелчком, отрезая меня от того мира, который я знала. И только сейчас я позволяю себе опуститься на колени перед супружеским ложем, схватить в охапку бордовое бархатное покрывало и, прижав его к лицу, беззвучно зарыдать от обиды, злости и непередаваемого чувства ярости, что поселяется в моём сердце.

Сколько я так плачу, я не знаю. Я не ощущаю времени. Из состояния оторванности от мира меня выдёргивает громкий окрик Люция с лестницы:

— Фаина, извозчик уже ждёт тебя. Тащи свои чемоданы и убирайся туда, где ты никому не будешь мешать своей бесполезностью.

глава 2

Его слова подстёгивают, как удар кнута. Я действую на автомате, почти не глядя. Выгребая платья, тёплую шерстяную шаль, которую вязала долгими зимними вечерами, добротные сапоги. Рука сама тянется к нескольким книгам в потрёпанных переплётках: старому сборнику стихов и трактату о садоводстве. Последняя связь с миром знаний, с миром, где я была не просто инкубатором, от которого ждали потомства, а перспективной ученицей академии.

На самом дне сундука, в углу, за катушками ниток, мои пальцы нащупывают маленький, твёрдый сверток. Я достаю его. Это простой льняной кошелёчек, туго набитый. Развязываю шнурок. Внутри пара десятков золотых монет. Моя «тайная» заначка. Я откладывала их понемногу все эти годы, на «всякий случай». Смешная, детская предосторожность. Теперь это — всё моё состояние. Всё, что у меня есть в этом мире.

Я закидываю кошелёк с монетами в самый низ сумки, сверху книги. На книги шаль и подтыкаю с краёв, чтобы ничего не выпало.

Сундук пуст. Моя жизнь с Люцием уместилась в одну дорожную сумку и два чемодана. Я спускаюсь по лестнице одна, волоча свою ношу. Никто не предлагает помощи. Слуги прячут глаза, увидев меня. Они уже знают, кто в доме хозяин.

Во дворе, у ворот, дожидается старая, выдавшая виды телега, запряжённая одной тощей клячей. Извозчик, угрюмый бородач, нехотя слезает с облучка и помогает вскинуть чемоданы на деревянный кузов. Они глухо стучат о дно.

Я закидываю свою сумку и собираюсь забраться вслед за ними, подтягиваясь на руках, чувствуя, как непослушные юбки мешают. И в этот момент из парадной двери выходят они.

Люций и Алисия. Рука об руку. Она сияет, прижимаясь к его плечу, а его лицо непроницаемо. Они вышли проводить меня. Насладиться зрелищем моего окончательного унижения.

Останавливаюсь, всё ещё стоя одной ногой на подножке. Сжимаю руку на шершавом дереве борта так, что суставы белеют.

Люций подходит чуть ближе. Его взгляд скользит по моим скромным пожиткам, по моему лицу, и в его глазах я читаю не ненависть, а холодное раздражение.

— Надеюсь, ты не посмеешь сюда вернуться, — говорит он сурово, тихо, но так, чтобы я услышала каждое слово.

Этой фразы, полной презрительной уверенности, что мне больше некуда деться, хватает, чтобы высушить последние слёзы. Внутри всё замерзает.

Я не смотрю на него. Не смотрю на самодовольную улыбку Алисии. Я с силой отталкиваюсь от подножки, вскарабкиваюсь на телегу и опускаюсь на жёсткую доску рядом со своими чемоданами. Спина к ним. Прямая.

— Трогайте, — говорю я извозчику, и мой голос, к моему удивлению, звучит ровно и холодно.

Извозчик что-то кричит лошади, телега со скрипом и толчком срывается с места. Я не оборачиваюсь. Я смотрю вперёд, на пыльную дорогу, убегающую из города. Я не вижу, как уменьшается вдали особняк, который был моим домом, но я чувствую на своей спине их взгляды: тяжёлый, холодный взгляд Люция и торжествующий, колючий — Алисии.

Они остаются там, в своей сытой, благополучной жизни. А я еду. В никуда. В своё «богом забытое место». И этот стук колёс по булыжнику отбивает в висках один-единственный вопрос: что же ждёт меня в конце этой дороги?

И тут ледяная дрожь пробегает по спине противными мурашками, в ушах отчетливо звучит незнакомый низкий голос: «Наконец-то, хозяйка. Мы ждали тебя так долго».

глава 3

Встряхиваю головой, словно пытаюсь выбросить из ушей навязчивый шёпот. Бред. Привидится же такое, но ледяные мурашки ещё долго бегут по спине. Голос звучал так явственно, так... настояще.

Телега подпрыгивает на очередной колдобине, и каждый толчок отдаётся в моём измождённом теле тупой болью, будто вытряхивая из памяти последние осколки того, что я когда-то называла жизнью. Дорога тянется бесконечно, уводя всё дальше от позора и боли. Пейзаж тоже меняется: на смену ухоженным поместьям приходят редкие, бедные деревеньки, а потом и вовсе начинаются бескрайние поля, сменяющиеся густыми, тёмными лесами.

И в этом однообразном ритме стука колёс ум наконец-то отпускает оцепенение и начинает работать. По кусочкам, как страшную мозаику, я складываю картину наших с Люцием отношений.

Было спокойно? Да. Но это было спокойствие чиновничьей конторы, где всё расписано по расписанию и нет места живому дыханию.

Предсказуемо? Тоже да. Мы жили, как два механизма в исправно тикающих часах, где моей ролью было красиво украшать циферблат и... заводить следующий виток. Наследника.

И сейчас, когда боль расставания с прежней жизнью медленно отступает, давая место трезвому, пусть и горькому, взгляду, я с ужасом осознаю: за все пять лет совместной жизни у нас не было ни единого разговора по душам. Ни одной сумасшедшей, спонтанной прогулки под дождём. Ни одного момента, когда бы он посмотрел на меня не как на функциональную часть своего домохозяйства, а как на женщину, чью душу можно захотеть узнать.

В наших отношениях не было любви. Я сама её себе придумала, но по факту мы всё время жили чужими людьми.

Зачем я так долго терпела? — этот вопрос обжигает меня изнутри внезапной яростью. Но ответ приходит сразу же, горький и неоспоримый. А куда бы я ушла? В нашем мире развод — клеймо позора, и почти всегда по инициативе мужчины. Женщина, посмевавшая уйти от супруга, сама становилась изгоем. Я терпела, потому что надеялась. Потому что верила, что однажды лёд в его глазах растает. Потому что боялась всеобщего осуждения и пустоты за спиной.

А ещё... я хотела ребёнка. Не просто наследника для Люция, а сына или дочку для себя. Маленькое, тёплое чудо, которое я бы любила безмерно, чьи шаги наполнили бы наш огромный, холодный дом радостью. Но боги оказались глухи к моим мольбам. Они не послали мне этого утешения.

К вечеру дорога окончательно вытрясает из меня все силы. Каждый сустав ноет от тряски на этой твёрдой деревянной лавке. Когда телега наконец останавливается, я почти не чувствовала ног, физически ощущая, как из меня выжали все соки — не только физические, но и душевные.

— Приехали, — сипло бросает извозчик, останавливая повозку.

Я поднимаю голову. И замираю.

Передо мной не лачуга, как я ожидала, а... руины былого величия. Сквозь буйные заросли колючей ежевики и бурьяна в рост человека проглядывают очертания некогда прекрасного двухэтажного дома с резными ставнями, теперь покосившимися и почерневшими от времени. Крыша кое-где провалилась, а по стенам ползёт плющ, цепкий и безразличный. Воздух густой, пахнет сырой землёй, прелыми листьями и тишиной. Гробовой тишиной.

Моё сердце сжимается в комок. Становится очень страшно. Я рассчитывала на маленький домик, который уберу, обустрою и буду там коротать свои оставшиеся дни. Но маленький домик оказался настоящей усадьбой, и навести порядок в таком помещении будет гораздо сложнее и энергозатратнее. Ну что ж...

Извозчик, не глядя на меня, сгружает мои чемоданы прямо на мокрую от росы землю.
— Обратно не повезу, — хрипит он. — Лошадь не вывезет. Удачи, госпожа.

Он разворачивает телегу и быстро уезжает, оставляя меня одну перед этим молчаливым, поглощённым природой особняком. Я стою посреди забытой богом дороги, и меня накрывает волна такого одиночества, от которой перехватывает дыхание. Я действительно никому не нужна. Здесь, на краю света, я могу сгнить, и никто даже не заметит.

Из зарослей смородины доносится шорох. Я вздрагиваю. Сквозь резные зелёные листья на меня смотрит пара умных, тёмных глаз. Затем показывается мордочка маленькой, невероятно белой козочки. Она стоит, не боится, и внимательно, с безмолвным вопросом, изучает меня.

«Хоть одна живая душа», — думаю я, и в горле снова встаёт ком. Но на этот раз не от слёз. Это щемящее чувство чего-то родного, одинокого и цепляющегося за жизнь.

Козочка делает шаг вперёд и тихо, блея, тыкается тёплым носом в мою ладонь. Её шерсть колючая и мягкая одновременно. И в этом простом жесте, в этом доверии чужого существа, во мне что-то переворачивается.

Я поднимаю голову и снова смотрю на усадьбу. Да, это руины. Да, это заброшенность. Но это — моё. Мои руины. Моя заброшенность. Никто не придёт сюда, чтобы унижить меня. Никто не будет стоять за спиной и требовать наследника.

Я глубже закутываюсь в свою старую шаль, подхватываю чемоданы и делаю первый шаг вперёд, продираясь сквозь колючие ветви навстречу своему новому дому. Белая козочка бежит рядом, как верный провожатый.

Пусть это «богом забытое место». Теперь я здесь живу, и я не позволю ему, и себе, окончательно сгнить.

Протягиваю руку, чтобы отодвинуть очередную колючую ветвь, и мои пальцы касаются прохладной, шершавой поверхности старого камня фундамента. И в этот миг сквозь усталость и отчаяние в моём сознании, ясно и неоспоримо, вновь возникает тот самый низкий голос, но на этот раз в нём звучит не ожидание, а тихая, вселяющая силу уверенность:

«Дом чувствует тебя, Хозяйка. Пора просыпаться».

глава 4

Я подхожу к крыльцу. Дверь передо мной массивная, из тёмного, почти чёрного дуба, вся в паутине и трещинах. Приглядываюсь — ни навесного замка, ни засова. Ничего, что мешало бы ей открыться.

— Ну что же, — вздыхаю я и берусь за старую железную ручку.

Тяну на себя. Дверь не поддаётся. Пытаюсь толкнуть. Никакого результата. Дерево будто намертво срослось с косяком.

— Видимо, перекосило от старости и сырости, — говорю я белой козочке, которая терпеливо наблюдает за моими бесплодными попытками, с безнадёгой пинаю дверь мыском уже порядком потрёпанной дорожной туфли. Больно. Глупо.

Ставлю чемоданы на крыльцо и опускаюсь на ступеньку. Что же делать? Силы на исходе, ночь приближается, а внутри, наверное, холодно и сыро, как в склепе. Отчаяние снова подбирается к горлу.

В этот момент козочка подходит и тыкается тёплой, бархатистой мордочкой мне в руки. Я на автомате начинаю её гладить по твёрдой головке между рожками. Она ждёт минуту, затем отходит на шаг и снова тыкается, настойчиво, будто пытается отвлечь меня от грустных мыслей.

Поднимаю на неё взгляд. Животное смотрит на меня своими умными, почти человеческими глазами, а потом поворачивает голову к двери, словно указывая.

— Что? — спрашиваю я вслух. — Ты хочешь, чтобы я снова попробовала? Это же бесполезно.

Но козочка упрямо смотрит то на меня, то на дверь. В её поведении столько осмысленности, что во мне просыпается любопытство, и я отгоняя усталость снова встаю на ноги.

— Ладно, ладно. Что ты хочешь, чтобы я сделала?

Подхожу к двери вплотную, как она. Ощупываю шершавое, состаренное временем полотно, провожу пальцами по косякам. Ищу скрытый засов, кнопку, хоть что-то. Но дерево гладкое, без единой щели или выступа. Ничего.

Коза стоит рядом и смотрит на дверь с таким видом, будто ждёт, когда же я, наконец, соображу, что делать. Она просто устала на неё, не двигаясь.

— Братъ пример с тебя, что ли? — бормочу я и тоже упираюсь взглядом в тёмную древесину.

Смотрю прямо перед собой, концентрируюсь, пытаюсь силой мысли сдвинуть эту дубовую громадину. Чувствую себя полной дурой, которая гипнотизирует кусок дерева, но нужно же хоть что-то делать.

Так проходит пара минут. В ушах шумит от напряжения и тишины. Я уже готова сдаться, как вдруг...

Всё моё существо пронизывает не звук, а ощущение. Чёткий, беззвучный, но ясный до боли вопрос, рождающийся не снаружи, а изнутри, прямо в сознании:

«КТО?»

Он вибрирует в каменных стенах, в застывшем воздухе, в самом сердце старого дома. Это не голос извне. Это сам дом спрашивает. И ждёт от меня ответа.

Я отскакиваю от двери, как ошпаренная, сердце выпрыгивает из груди и грохочет где-то в горле. По спине бегут ледяные мурашки. Я дико оглядываюсь по сторонам, вглядываюсь в сумеречные заросли — ни души. Только ветер шелестит сухими стеблями бурьяна.

Но моя белая спутница даже не шелохнулась. Она стоит у порога, словно вкопанная, её умные глаза спокойно смотрят на меня. В её позе нет ни капли страха, только терпение и... ожидание.

«Значит... значит, нужно продолжать?» — мысль пробивается сквозь панику.

Судорожно выдыхаю, обнимаю себя за плечи, тру немеющие пальцы рук, пытаюсь унять дрожь, и снова делаю шаг вперёд. Дом должен узнать меня. Или... я должна узнать себя.

Я снова упираюсь взглядом в тёмное дерево, вгрызаюсь в него глазами, заставляя себя ждать. И снова, сквозь шум крови в ушах, возникает тот же беззвучный, всепроникающий вопрос:

«КТО?»

— Я... Фаина Бэлл, — выдыхаю я вслух, голос срывается на шёпот.

Ничего. Абсолютно ничего не происходит. Тишина становится насмешкой.

Я в растерянности смотрю на козочку.

— Что я должна сказать? Что не так? — вырывается из меня вопрос, но, естественно, ответа я не получаю.

Делаю глубокий вдох, длинный выдох, снова вдох, снова взгляд, снова вопрос.

— Я Фаина, — говорю я твёрже, — племянница бывшей хозяйки этой усадьбы.

Снова тишина. Козочка беспокойно переступает с ноги на ногу и тихо блеет, будто упрекая меня в непонятливости. Я чувствую, как во мне закипает странное упрямство. Оно сильнее страха, сильнее усталости. Оно вытесняет всё.

Я в ярости упираюсь ладонями в шершавую, холодную древесину.

«Спроси ещё раз, — мысленно бросаю я вызов этому невидимому стражу. — Спроси!»

И он спрашивает.

«КТО?»

И в этот миг во мне всё выстраивается в одну чёткую, неоспоримую линию. Прошрое, Люций, унижение, дорога, эта дверь... Всё это привело меня сюда. Не как гостью, не как родственницу. Я больше не «никто». Я — это она.

Я расправляю плечи, поднимаю голову и отвечаю так громко и уверенно, что эхо разносится по заросшему саду:

— Я хозяйка этого дома!

Воздух застывает. И тогда, следом за моими словами, в сознании рождается бархатный, полный безмерной силы и тепла голос:

«Добро пожаловать домой, Хозяйка. Дом ждал тебя».

Вслед за этими словами раздаётся оглушительный скрежет ржавых петель. Массивная дверь, не тронутая моей рукой, с глухим стоном отходит на несколько сантиметров, замирая, словно приглашая меня войти внутрь.

глава 5

Дверь с тихим скрипом поддается моему лёгкому толчку. Я переступаю порог, и воздух ударяет мне в лицо: густой, спёртый, пахнувший пылью, забвением и старой древесиной. Я останавливаюсь, давая глазам привыкнуть к полумраку.

Прямо передо мной — просторный холл с высоким, тёмным от времени потолком, от которого спускается массивная, вся в паутине, люстра. По обе стороны от входа две широкие лестницы с резными перилами ведут на второй этаж. Ступени покрыты когда-то богатыми ковровыми дорожками, но теперь их узор почти неразличим под толстым серым слоем пыли. Сколько комнат наверху, я с ходу не могу разобрать.

На первом этаже слева зияет дверным проёмом столовая. За ней угадывается что-то похожее на кухню. Справа уходит вглубь дома коридор с несколькими закрытыми дверями.

«Интересно, что здесь было...» — тихо думаю я, медленно поворачиваясь на месте. Если столько комнат, значит, тётя явно была не бедной. Я почти её не помню — лишь смутный образ строгой женщины в тёмном платье, приезжала она к нам редко, а к себе в гости не звала. Это наследство досталось мне лишь потому, что тётя была бездетной, а её сестра, моя мама, давно умерла. Если верить памяти и этому слою пыли на всех поверхностях, здесь лет пять точно никого не было.

Так, с чего начать? Сначала лучше поискать воду. Без неё всё бессмысленно.

Я осторожно иду в сторону кухни, стараясь не поднимать пыльных вихрей. Прохожу мимо столовой с огромным овальным столом, бывшим когда-то белоснежным, вокруг стола застыли, как призраки, высокие стулья с бархатной обивкой бардового цвета. На стенах висят картины в рамах, но сюжеты скрыты под серыми саванами всё той же вездесущей пыли. Портьеры у окон тяжёлые, бархатные, и трогать их сейчас даже не хочется, потом всё это нужно будет снимать и выбивать на улице.

За столовой, как я и предполагала, находится кухня. Она большая, с массивной плитой и множеством рабочих поверхностей. В буфетах за мутными стёклами белеет посуда, на нижних полках я различаю очертания чугунных кастрюль и медных ковшиков.

Белая козочка неотступно следует за мной, её копытца тихо цокают по каменным плиткам пола. И вдруг она обходит меня и направляется к небольшому, неприметному шкафчику в дальнем углу кухни. Она останавливается перед ним, тычет мордочкой в деревянную дверцу и принимается блять — настойчиво, почти требовательно.

— Что там? — подхожу я ближе.

Протягиваю руку и осторожно открываю дверцу шкафчика. Внутри не полки, а... странная конструкция. Медная труба с краном, а под ним — глубокий каменный слив, вделанный прямо в стену.

Сердце замирает от догадки. Я с силой проворачиваю заржавевший маховик крана. Он издаёт пронзительный скрип, из трубы вырывается ржавый воздух, и вдруг... с бульканьем и шипением хлещет чистейшая, ледяная вода.

От радости у меня перехватывает дыхание. Вода! Вообще, никуда идти не нужно! Я снова открываю кран, подставляю ладони под ледяные струи и с наслаждением умываюсь, смывая с лица дорожную пыль и следы слёз. Набрав ещё немного в сложенные лодочкой ладони, осторожно пробую. Вода чистейшая, с едва уловимым привкусом родниковой прохлады.

— Спасибо тебе, — искренне говорю я козочке, которая, кажется, довольна и доверчиво подставляет мне свой лоб для поглаживаний.

Энтузиазм подпитывает меня. Я закрываю кран и продолжаю осмотр. В углу обнаруживаю массивный каменный ящик с тяжёлой крышкой. С трудом открываю её. Внутри прохладный, пахнувший сыростью, временем и чем-то явно испорченным воздух. Это похоже ста-

ринный холодильник. На его дне лежит что-то тёмное и сморщенное. Присматриваюсь и с содроганием отшатываюсь — это испорченная временем тушка маленькой птички, возможно, перепёлки. Да, придётся вычищать в первую очередь.

Потом мой взгляд падает на небольшую, неприметную выемку в стене, похожую на узкую шахту, уходящую куда-то наверх. Рядом — колесо с ручкой, похожее на ворот колодца. Любопытство берёт верх. Я с усилием берусь за ручку и начинаю крутить.

Механизм скрипит и протестует, но поддается. В глубине шахты слышится скрежет, и что-то тяжёлое начинает медленно ползти вниз. Я кручу быстрее, сердце замирает в предвкушении. Что это может быть? Секретная комната? Клад?

Наконец, в проёме появляется деревянная платформа. На ней стоит старая плетёная корзина, доверху набитая какими-то тряпками. Всё. Разочарование тяжёлым камнем падает на меня. Просто старый лифт для белья. Никакой магии.

Я с обидой пинаю колесо. И в этот самый момент тряпки в корзине шевелятся. Сначала едва заметно, потом сильнее. Я замираю, не веря своим глазам. Из-под груды пыльного тряпья появляется... что-то. Непонятное, тёмное, живое. Оно медленно, почти нехотя, вытягивается, и из глубины корзины на меня устремляется пристальный, осмысленный взгляд двух горящих в полумраке точек. Они светятся не зелёным, как у кошки, а каким-то странным, почти фиолетовым светом.

Я застываю на месте, не в силах пошевелиться. Козочка позади меня тихо и тревожно блеет. Существо в корзине не издаёт ни звука. Оно просто смотрит на меня, и в его безмолвном взгляде читается не угроза, а... бесконечная усталость и безмерная древность. И вопрос. Всё тот же вопрос, что задавал мне дом.

Кто ты?

глава 6

Я замираю, не в силах оторвать взгляд от этого существа. Оно размером с крупного кота, покрыто мелкими, похожими на бархатную пыль, чешуйками дымчато-серого цвета. Длинный хвост обвивает его лапы, а на спине я отчётливо вижу две маленькие, ещё не до конца сформированные складки-крылышки. Но больше всего поражают глаза — большие, миндалевидные, с вертикальными зрачками, светящиеся изнутри тем самым таинственным фиолетовым светом.

И вдруг, как озарение, в памяти всплывают старые книжные иллюстрации и рассказы странников. Это же... дракон. Настоящий, живой дракончик. Пусть и крошечный.

Сердце замирает от противоречивых чувств. Я слышала о таких. Знаю, что они обитают в диких землях, за горными хребтами, что именно с ними когда-то воевали люди за эти территории. Говорили, наш первый правитель, лорд Вальтер, много поколений назад, изгнал их кланы за пределы королевства именно за их несносный, властный характер и жажду подчинять себе всех и вся. С тех пор драконы стали легендой, страшной сказкой для непослушных детей.

И вдруг один из них... здесь. В моём доме. Малыш. Как он сюда попал? Что ему нужно? В приграничье, если верить слухам, драконы до сих пор правят людьми, держа целые деревни в страхе и повиновении. Откуда же здесь этот кроха, один, в корзине с тряпками?

Мы молча смотрим друг на друга. Его фиолетовые зрачки сужаются, изучая меня. Я не чувствую исходящей от него угрозы, скорее — настороженное любопытство и, возможно, ту самую усталость, что я заметила вначале. Он кажется... беспомощным.

— Привет, — осторожно, почти шёпотом, говорю я, боясь спугнуть.

Дракончик наклоняет голову набок, словно прислушиваясь к звуку моего голоса. Он медленно, неуверенно делает шаг вперёд по тряпкам, и я замечаю, что одна из его задних лапок подволакивается, будто повреждена.

— Ты... ты потерялся? — задаю я следующий, уже более уверенный вопрос. — Или тебя сюда кто-то принёс?

В ответ он лишь тихо шипит, но это не звук агрессии, а скорее слабое, сиплое жалование. Он выглядит исхудавшим и очень одиноким. И в этот момент все сказки о злых драконах меркнут перед реальностью — передо мной голодный, испуганный ребёнок, случайно забредший в моё убежище.

— Тебе помочь? — тихо спрашиваю я, больше себя, чем его.

Медленно, плавно, чтобы не спугнуть, я отступаю к буфету. Стекло мутное, но за ним угадываются очертания посуды. Дверца со скрипом поддаётся, и я нахожу простую глиняную миску, толстостенную и прочную. Козочка наблюдает за мной, коротко и тревожно блея, переступая с ноги на ногу.

— Всё хорошо, — успокаиваю я её, хотя сама не до конца в этом уверена.

Подхожу к крану, снова со скрипом открываю его. Звук бегущей воды заставляет дракончика встревоженно приподняться на передних лапках, его шея вытягивается. Я наполняю миску и также медленно, плавно ставлю её на пол на почтительном расстоянии от корзины.

— Пей, — говорю я мягко. — Это просто вода.

Он не двигается с места ещё с полминуты, его горящий взгляд переключается с меня на миску и обратно. Потом с тихим шуршанием чешуи о старые тряпки, он сползает с платформы на каменный пол. Его движение неуклюжее, он явно щадит больную лапку. Подойдя к миске, он сначала лишь осторожно тыкается в воду носом, затем пробует её на язык. И тогда, словно осознав, как сильно хочет пить, он начинает лакать, быстро-быстро, совсем как котёнок.

В этот момент козочка, поборов первоначальный страх, делает робкий шаг вперёд. Она вытягивает шею, ноздри её трепещут, пытаюсь уловить новый запах.

Дракончик замирает, поднимает мордочку от миски, и его фиолетовые глаза встречаются с тёмными, умными глазами козочки. Я затаиваю дыхание, ожидая шипения, рыка. Но вместо этого он просто смотрит, с тем же самым любопытством, с каким только что разглядывал меня. Тихо щёлкает языком, словно пробуя её запах на вкус.

Я медленно опускаюсь на корточки, чтобы быть с ними на одном уровне. Сердце по-прежнему колотится, но уже не от страха, а от чего-то другого. От понимания. В этом заброшенном доме, на краю света, мы трое — я, изгнанная жена, белая козочка-отшельница и раненый детёныш-дракон — мы все потерянные. И, возможно, именно здесь, среди пыли и бывшего величия, мы сможем найти друг у друга то, чего нам так не хватало.

Козочка, ободрённая молчанием дракона, делает ещё один нерешительный шаг вперёд, протягивая мордочку, чтобы обнюхать его крылышки. И это движение, видимо, кажется, дракончику слишком внезапным.

Он резко вытягивает голову в плечи, и из его глотки вырывается не громкий рёв, а короткое, но властное рычание — совсем как у раздражённого котёнка, пытающегося казаться грозным. И вместе с этим звуком из его пасти вырывается маленькое облачко искрящегося фиолетового дыма.

Дымок окутывает нос и мордочку козочки, и она с испуганным меканьем отскакивает назад. Но я смотрю не на неё. Мой взгляд прикован к полу, к тому месту, куда попало это сияющее облачко.

Фиолетовый дымок не просто создаёт иллюзию, он впитывает вековую грязь, обнажая истинную красоту плиты. Там, куда попало облачко, каменная плита будто проснулась. Исчезли пятна плесени и жира, слой пыли испарился, обнажив узорчатый мрамор цвета тёмного мёда с прожилками золота. Он засиял, как будто его только что уложили.

Мои глаза округляются от изумления. Я замираю, не в силах вымолвить ни слова. Так вот оно что. Это не просто дракон. Это... волшебный дракон.

глава 7

Я медленно протягиваю к нему руку ладонью вверх, показывая, что не опасна. Осторожно провожу пальцами по его чешуйчатой головке между крошечными рожками, и он тычется мне в ладонь, а его фиолетовые глаза прикрываются от удовольствия. Больная лапка по-прежнему поджата, но сейчас главное — установить мир. Нам здесь лучше жить дружно и не ссориться.

— Ладно, — выдыхаю я, и в голосе слышны уже не усталость, а решимость. — Перемирие заключено. Теперь война с грязью.

Я оставляю дракончика греться в его корзине и отправляюсь на поиски инвентаря. В небольшой кладовой за кухней нахожу целый арсенал: несколько метёл и груды старых, но ещё крепких тряпок. Мысли о магической уборке вертятся в голове, но я прогоняю их. Нет, не сейчас. Нельзя торопить чудо. К тому же, я до сих пор не знаю, как это сработало и какой ценой для малыша. Лучше по старинке.

Возвращаюсь и с размаху врубаюсь в наведение чистоты. Поднимаются тучи пыли. Дракончик, не оценив мою активность, фыркает и зарывается глубже в свои тряпки, оставив снаружи только кончик длинного хвоста. Козочка, постояв минут пять и поняв, что ничего интересного не происходит, разворачивается и лениво уходит во двор, жевать то, что входит в её козий рацион.

Выбранная мной работа тяжёлая и монотонная. Я сметаю пыль с пола, вытираю паутину с балок, с трудом оттираю мыльной водой (найденной в том же тайнике) один из столов. Руки ноют, спина устала. Но зато кухня уже выглядит почти обитаемой. Почти.

И тут мой организм напоминает о себе громким урчанием в животе. Скоро ночь, а я с утра ничего не ела. Съестных припасов в доме, увы, не обнаруживается. С тоской вспоминаю о каменном «холодильнике» и его неутешительном содержимом.

Выхожу на крыльцо, чтобы глотнуть свежего воздуха. И тут мой взгляд падает на буйные, колючие заросли ежевики, оплетающие старую ограду. Среди изумрудной листвы и острых шипов горят, будто маленькие чёрные угольки, спелые, крупные ягоды. Их сотни.

Сердце замирает от внезапной надежды. Я осторожно, чтобы не уколоться, пробираюсь к кустам и начинаю срывать ягоды. Они мягкие, почти чёрные, пачкают пальцы тёмно-фиолетовым соком. Аромат сладкий и терпкий. Беру глиняную миску и быстро наполняю её до краёв. Хватит на всех.

Возвращаюсь в кухню. Козочка остаётся мирно пастись за окном. А дракончик, услышав мои шаги, высовывает нос из корзины. Его ноздри трепещут, улавливая сладкий запах.

— Кушать подано, — объявляю я и ставлю миску на стол.

Я съедаю свою порцию ягод, чувствуя, как сладкий сок придаёт сил. Остальное отдаю дракончику. Он сначала осторожно обнюхивает ежевику, а потом быстрым движением языка захватывает ягоды одну за другой, чавкая, и пачкая всю мордочку в фиолетовом соке. Зрелище забавное и трогательное.

Так, с едой разобрались. Теперь — ночлег. Идти на тёмный, неисследованный второй этаж нет ни сил, ни желания. Решаю осмотреть комнаты на первом этаже.

Первая дверь в коридоре ведёт в небольшую комнату, похожую на кабинет. Вторая — в то, что, кажется, было будуаром. Здесь стоит узкая, но крепкая кровать с резным изголовьем. Открываю дверцу большого шкафа. Внутри аккуратные стопки белья. Простыни, наволочки, шерстяные одеяла. Пахнет сандалом и тишиной, но не сыростью. Спасибо тётушке за её запасливость.

Я беру самое простое одеяло и выхожу с ним на крыльцо. Хлопаю им что есть силы, пыли нет, но ткань наполняется свежестью вечернего воздуха. Возвращаюсь в комнату, зажи-

гаю свечу в медном подсвечнике (ещё одна находка в буфете) и ставлю её на табурет рядом с кроватью.

В доме тихо. Слышно, как на кухне поскрипывает корзина, дракончик укладывается спать. За окном в сумраке бродит белая тень козочки (идти в дом на ночь она отказалась, видимо ей так привычнее).

Я скидываю потрёпанные дорожные туфли, с наслаждением вытягиваю натруженные ноги и натягиваю на себя прохладное, только что выбитое одеяло.

— Спокойной ночи, — мысленно шепчу я своему странному, новому семейству. — Спокойной ночи, дом.

Пламя свечи колыхнется, отбрасывая на стены танцующие тени. Они уже не кажутся мне враждебными. Они просто тени. Я закрываю глаза, погружаясь в пуховую мягкость подушки, и чувствую, как тяжёлое одеяло усталости накрывает меня с головой.

И тогда, на самой грани сна, сквозь дрему до меня доносится не звук, а ощущение. Тихое, бархатистое, как прикосновение тёплого ветра в летнюю ночь. Оно рождается не в ушах, а где-то в глубине сознания, и состоит всего из трёх слов, наполненных безмерным умиротворением: «Спи спокойно, Хозяйка».

И самое удивительное: я ловлю себя на мысли, что мне уже не страшно. Ни капли. В этом голосе нет ничего чужого или угрожающего. Только тихая уверенность и обещание защиты. Это не вторжение. Это... ответ. Это дом, признавший меня.

С этим чувством, сладким и тёплым, как мёд, я проваливаюсь в глубокий, исцеляющий сон, впервые за долгие дни не ожидая от ночи никаких ужасов. Только покой.

Я не знаю, сколько проходит времени (час или несколько минут), но меня вырывает из объятий сна оглушительный грохот. Звук такой силы, будто на кухне рухнула вся посуда разом или с грохотом обвалилась часть шкафа.

Сердце мгновенно ускоряется до голопа и тут же замирает, сжимая грудь в ледяную плиту. Я резко сажусь на кровати, в темноте, не понимая, где я. Свеча давно догорела. Лунный свет бледными прямоугольниками лежит на полу, дверь в комнату закрыта.

Я сижу, вцепившись пальцами в одеяло, и слушаю. Собственное дыхание кажется мне оглушительно громким. Сначала — тишина. Гробовая, звенящая. А потом... шорох.

Не просто шорох. Это влажный, шлёпающий звук. Тяжёлый, неспешный. Как будто кто-то босыми ногами идёт по мокрому каменному полу в коридоре.

Шлёп... шлёп... пауза... шлёп...

Ледяной ужас, которого не было даже при виде дракона, сковывает меня. Это не козочка. Не дракон. Это что-то другое. Что-то большое.

Звук приближается. Он уже прямо за моей дверью. Я замираю, не в силах пошевелиться, не в силах даже крикнуть. Глаза широко раскрыты, я смотрю на щель под дверью, ожидая увидеть там тень.

глава 8

Я сижу, вцепившись в край матраса, и чувствую, как дрожь становится всё сильнее. В ушах звенит от напряжения. Шлёпающие шаги замерли прямо у моей двери. Тишина становится густой, тягучей, невыносимой.

И вдруг — тихий, влажный звук, будто что-то мокрое прижали к дереву. Я вглядываюсь в щель под дверью и замираю. Из-под неё медленно, неспешно, начинает подтекать лужица. Тёмная, почти чёрная в лунном свете, жидкость. Тот самый сладковато-гнилостный запах становится сильнее, пробиваясь в комнату.

Сердце готово выпрыгнуть из груди. Что это? Кто это?

Внезапно из кухни раздаётся пронзительный, яростный визг. Я узнаю этот звук — это дракончик!

Хриплое дыхание за дверью обрывается. Раздаётся оглушительный удар, от которого дребезжат стены, и торопливые, удаляющиеся шаги. Шлёпающие шаги. Они отступают. Затем настороженная тишина, нарушаемая лишь моим собственным бешеным стуком сердца.

Проходит ещё минут десять. Я понимаю, что не могу сидеть тут, как мышь в норке, нужно посмотреть, что там за дверью, это теперь мой дом, и я не могу просто отсиживаться, я тоже должна его защищать. Страх сковывает, но что-то более сильное — ответственность, любопытство, необходимость знать — заставляет меня встать.

Медленно, дрожащими ногами, я спускаюсь с кровати. Тёмная лужица у двери всё ещё там, мерцающая в свете свечи. Я делаю шаг, потом другой, подхожу к самой двери и, затаив дыхание, прикасаюсь к холодной металлической ручке.

Резко открываю.

Коридор пуст. Я быстро смотрю направо и налево — никого. Но в воздухе, словно пыльца, парят крошечные фиолетовые искорки. Они медленно угасают, словно эхо недавней магии. Я машинально провожу рукой сквозь них, и они рассеиваются с тихим, нежным потрескиванием.

С почти догоревшей свечой я выхожу в коридор. Свет дрожит вместе с моей рукой, отбрасывая прыгающие тени по стенам. Я внимательно смотрю под ноги. Каменный пол сухой. Ни следов, ни грязи. Только там, у моей двери, тёмное пятно, которое уже начало подсыхать и становиться невидимым.

С замиранием сердца направляюсь на кухню.

Дракончик не спит. Он стоит посреди кухни, и все его тело напряжено. Чешуйки на его хребте и вдоль лап светятся изнутри тревожным фиолетовым светом, его глаза — два ярких аметистовых угля. Дракон тяжело дышит, и из ноздрей вырываются крошечные клубочки того же сияющего дыма.

Он смотрит на свою корзину. Потом подходит к ней, пытается устроиться, залезая внутрь. Но что-то явно идёт не так. Он вертится, его круп не помещается, он упирается головой в стенку корзины. Снова пытается, теперь задом. Та же история. Он издаёт раздражённое шипение, царапает корзину когтями и вдруг, с сердитым урчанием, хватая её за край и с силой опрокидывает. Тряпки вываливаются на деревянную платформу лифта. Затем он отпихивает пустую корзину в угол, с таким видом, будто она ему смертельно надоела, и с недовольным фырканьем укладывается прямо на груды тряпок.

Я замираю, глядя на него, потом на корзину. И понимаю. Он не просто вырос. Он заметно подрос. Не в два раза, конечно, но на добрую треть точно. Его спина стала длиннее, лапы массивнее. Всё произошло за одну ночь. Что это спровоцировало? Столкновение с тем существом? Защита дома? Использование магии?

Мысли путаются. Страх от ночного происшествия ещё сидит во мне. Я машинально подхожу к дракончику и опускаюсь на корточки рядом. Он поворачивает ко мне свою светящуюся голову.

— Ты... защищал нас? — тихо спрашиваю я.

Я протягиваю руку и глажу его по шее, там, где чешуя особенно мягкая и бархатистая. Он издаёт низкое, утробное урчание, которое скорее чувствуешь, чем слышишь. И странное ощущение передаётся от него через ладонь прямо в грудь. Тёплая, тяжёлая волна спокойствия. Не его личное спокойствие, а словно намеренно посланное мне утешение. Словно он говорит: «Не бойся. Всё кончено. Иди спать».

Это так неожиданно и так искренне, что у меня наворачиваются слёзы. Я ещё раз провожу рукой по его тёплой чешуе.

— Спасибо, — шепчу я. — Спокойной ночи, наш страж.

Со свечой в руках я возвращаюсь в свою комнату, стараясь не смотреть на тёмное пятно у двери. Я закрываюсь, придвигаю к дверям тяжёлый стул, слабая преграда, но хоть какое-то успокоение для нервов.

Засыпаю я не сразу. Прислушиваюсь к каждому шороху. Но дом снова погружается в свою обычную, глубокую тишину. И я, наконец, проваливаюсь в беспокойный, но всё же сон.

А утром меня будит не солнечный свет, а настойчивое, призывное и испуганное блеяние прямо под окном. Козочка. Она не просто зовёт. Она зовёт на помощь.

Всё остальное мгновенно вылетает из головы. Я подрываюсь с кровати, на ходу натягиваю платье и, не заплетая волос, пулей вылетаю из комнаты и из дома, даже не успев толком осмотреться.

Выскакиваю на крыльцо. Утро ясное и прохладное.

— Иди сюда! — кричу я озираясь. — Где ты?

В ответ новое, испуганное блеяние справа, из-за угла дома. Я сбегая с крыльца и бегу на звук, колючки репейника цепляются за подол.

Заворачиваю за угол и замираю.

Белая козочка стоит ко мне спиной, её тело напряжено до каменной твёрдости. Она не двигается, лишь издаёт этот непрерывный, тревожный звук, уставившись в густую стену кустов сирени и дикого винограда.

Я подбегаю к ней и кладу руку на её вздрагивающую спину.

— Что там? — шепчу я, всматриваясь в чашу. — Опять... оно?

Я не вижу ничего. Только густую зелень. Но козочка явно видит. Или чувствует. Её уши направлены вперёд, ноздри расширены.

И тут я тоже это чувствую. Лёгкий, почти неуловимый шлейф. Сладковатый и затхлый. Тот самый запах, что прокрался ко мне в комнату прошлой ночью.

Ледяные мурашки снова бегут по спине. Это не просто зверь. Это что-то другое. И оно где-то совсем рядом.

глава 9

Я не могу больше просто стоять и бояться. Этот страх парализует, а я должна быть сильной, это теперь моя усадьба, моя собственность, и я обязана её защищать. Сжав кулаки так, что ногти впиваются в ладони, я делаю шаг вперёд. Козочка испуганно блеет, пытаюсь загорodить мне дорогу, но я мягко отстраняю её.

— Я должна посмотреть, — говорю я твёрже, чем чувствую на самом деле.

Каждый шаг даётся с трудом. Запах становится гуще, сладковатая гнилость щекошет ноздри. Я пробираюсь сквозь влажные от росы ветви сирени, которые цепляются за платье, будто пытаются удержать. Наконец, я останавливаюсь перед самой гущей зарослей.

Сердце колотится где-то в горле. Протягиваю дрожащие руки и с силой раздвигаю спутанные ветви винограда и сирени. И замираю.

Среди переплетённых плетей, на фоне тёмной земли зияет отверстие. И это не просто нора, а чёрная дыра, похожая на воронку и уходящая вглубь под острым углом. Края её неестественно гладкие, будто выложены скользкой, тёмной глиной. Внутри — абсолютная, непроглядная тьма. Оттуда и исходит тот самый запах, холодный и тяжёлый.

Так вот откуда оно пришло.

Мысль возникает мгновенно, ясная и неоспоримая: нужно завалить эту дыру. Сегодня же. Пока не стемнело. Пока этот... ночной гость не решил вернуться.

Я отступаю на шаг, отпуская ветви. Они с шуршанием смыкаются, снова скрывая чёрный вход. Козочка, видя, что я отошла, успокаивается и трётся головой о мою руку.

— Всё в порядке, — бормочу я, больше для себя. — Всё в порядке. Мы с этим справимся.

Но чем завалить? Нора шириной около метра, и в высоту такая же. Нужно что-то тяжёлое, массивное.

Я решаю обойти весь участок, не откладывая задачу на потом. Солнце уже поднялось выше, его лучи пробиваются сквозь листву. Теперь, зная, что искать, я чувствую себя немного увереннее. Я ищу всё, что может сгодиться: большие камни, доски, всё, чем можно прикрыть и завалить этот ход в подземелье.

Взгляд скользит по заросшему саду, по покосившимся хозяйственным постройкам на заднем дворе. Где-то здесь может быть то, что мне нужно.

Козочка неотступно следует за мной, с любопытством заглядывая во все места, куда направлен мой взгляд. За полчаса хождений по саду и полуразрушенным хозпостройкам я нахожу стопку досок и камни, сложенные в углу участка в кучу. В голове уже зреет план: разложить доски над норой и завалить их камнями, возможно, это сдержит моего ночного гостя.

С радостью вижу в углу одного из сараев тачку, она-то мне и поможет. Грузу побольше, везу в сторону зарослей и начинаю свою работу, то и дело, цепляясь за спутанные плети винограда и кустов.

— Добрый день!

Зычный мужской голос доносится до меня со стороны ворот на участок. Я медленно разгибаюсь, отвожу от лица прядь волос, приклеившуюся к вспотевшему лбу, ищу глазами источник звука.

— Я ваш сосед по владениям, к вам случайно не забегала моя коза? Со вчерашнего дня ищу, как в воду канула.

— Эта? — вылезаю из зарослей окончательно, и козочка выходит за мной следом.

— Точно, эта! Роза, пойдём домой, ты зачем решила убежать на чужую территорию.

Высокий мужчина с улыбкой на лице пытается подманить козочку хлебом, и та радостно бежит к хозяину, цокая копытцами и ласково мекая.

— А вы что там делаете? Помощь нужна?

Он смотрит на меня, поглаживая по спине свою козу, а я быстро взвешиваю: стоит просить его о помощи или же справиться самой.

— Я только вчера сюда заселилась, эта усадьба досталась мне от покойной тётушки, и... да, помощь мне бы не помешала, — чего я стесняюсь, он сам спросил, я никого ни к чему не принуждаю.

— Я войду? — ещё раз уточняет мужчина, и я согласно киваю. — И что у вас тут?

— Нора, — чуть дрожащим голосом произношу я. — И мне кажется, что из этой норы ночью кто-то вылезал.

Мне неудобно про это говорить, я не знаю, кто этот мужчина, и как он отнесётся к моим рассказам. Может, посчитает меня за сумасшедшую и будет смеяться. Но к моему великому облегчению, мужчина, увидев наполовину заложённую досками нору, понимающе качает головой.

— Всё понятно. Ваши владения облюбовал нахлюб, это подземное животное чем-то похожее на ящерицу по форме и на свинью размерами. Они любят такие места, где много сорной травы и зарослей кустарника. Если вы расчистите участок, нахлюб вас больше не побеспокоит.

— Правда? — не верю я своему счастью, обвожу владения придирчивым взором, работа предстоит грандиозная. — Я не смогу этого сделать быстро, а если нору завалить камнями, он не вылезет?

— Вылезет, сделает подкоп на пару метров левее или правее и вылезет. Заваливать нору не имеет смысла, но я могу вам дать корни чёрного цветка, нахлюбы его на дух не переносят, бросите в нору и на время уйдёт. Но участок в порядок приветсти бы надо.

Смотрю на своего нежданного спасителя и исподволь разглядываю. Он примерно одного со мной возраста, может немного постарше, статный, крепкий в плечах, камзол из мягкой кожи коричневого цвета и чёрные волосы чуть ниже плеч. Глаза у мужчины карие, тёплого медового оттенка и улыбка очень приятная. Он смотрит на меня не пытаюсь возвыситься, как всегда делал Люций, он просто смотрит, как на равную, как на доброго приятеля, на обычного человека, просто и бесхитростно.

— Меня зовут Фаина, — не знаю, откуда вселяется в меня эта смелость, тяну руку гостю, и он бережно и мягко сжимает мои пальцы.

— Авель.

глава 10

Рука Авеля тёплая и сильная, но его рукопожатие бережное, без попытки продемонстрировать силу. Он отпускает мою руку и снова обращает внимание на нору.

— Корни у меня дома. Если хотите, можете пройти со мной, я дам вам несколько штук. Их нужно будет просто бросить вглубь. Нахлюб на время уйдёт искать себе новое место.

Идти к незнакомому мужчине? Голос здравого смысла внутри шепчет об осторожности. Но его поведение, его открытый взгляд и практичная помощь говорят в его пользу. Да и Роза, его коза, выглядит ухоженной и спокойной, что говорит о её хозяине, как о порядочном человеке, жестокие люди так о скотине не заботятся.

— Я... я буду благодарна, — наконец соглашаюсь я.

— Отлично. И, раз уж сейчас утро, не откажитесь со мною позавтракать, — он говорит это так просто и естественно, словно мы старые знакомые. — У меня есть свежее молоко и свежий хлеб из города.

Мысль о нормальной, сытной еде заставляет мой желудок предательски сжаться от голода и громко заурчать. Я инстинктивно собираюсь отказаться, из старой, вьёвшейся привычки не быть обузой.

— Авель, я не хочу вас обременять...

— Отказы не принимаются, — мягко, но непреклонно прерывает он, и в его медовых глазах танцуют весёлые искорки. — В наших краях не принято отказываться от хлеба-соли. Считайте это ритуалом посвящения в соседи.

Я не могу сдержать ответную улыбку. После холодного высокомерия Люция такая простая, человеческая теплота кажется почти нереальной.

— В таком случае... с удовольствием.

Дом Авеля оказывается не таким большим, как моя усадьба, но удивительно уютным и опрятным. Пахнет дымом, свежим хлебом и сушёными травами. Он наливает мне в глиняную кружку парное молоко, такое густое и сладкое, что его можно есть ложкой, и отрезает толстый ломоть ещё тёплого хлеба с хрустящей корочкой.

Я пытаюсь есть медленно, с достоинством, но голод берёт своё, и первые несколько кусков исчезают с поразительной скоростью. Авель тактично делает вид, что не замечает этого, пододвигая мне баночку с ежевичным варением.

— В прошлом году собрал немного на вашем участке, уж не обессудьте. Вот такое варение получилось, угощайтесь, Фаина.

— Вы давно здесь живёте? — спрашиваю я, наконец замедляясь, с наслаждением намазываю хлеб варением и чувствую, как по телу разливается приятная сытость.

— Лет пять, не больше, — отвечает он. — Перебрался сюда из столицы. Устал от городской суеты. Здесь спокойно. Развожу коз, делаю сыр, утром отвожу молоко в город, у меня там уже своя клиентура есть.

— А мою тётю... вы знали? — осторожно интересуюсь я.

Авель качает головой.

— Нет, не застал. Когда я приехал, усадьба уже стояла заброшенной. Местные говорили, что хозяйка была женщиной строгой и нелюдимой. Жаль, не довелось познакомиться.

Мы заканчиваем завтрак, и я чувствую, как робость понемногу отступает, сменяясь любопытством. Этот человек живёт той самой жизнью, которую я теперь пытаюсь построить.

— Авель, — начинаю я, набравшись храбрости. — Вы сказали, что ездите в город утром... Не могли бы вы... взять меня с собой? Мне нужно купить еды. Себе и моему... моему питомцу.

Он поднимает на меня взгляд, и я вижу в нём лёгкое удивление.

— С питомцем приехали? — переспрашивает он. — А что у вас за зверь?

В горле пересыхает. Дракон. Слово горит на языке, но я его закусываю. Кто поверит? И кто знает, как он отреагирует? Страх быть непонятой, осмеянной или, что хуже, выдавшей свою главную тайну, оказывается сильнее.

— Котёнок, — выдыхаю я, отводя взгляд в сторону и чувствуя, как горит лицо. — Обычный... котёнок. Подобрала его здесь. Ему тоже нужно есть.

Авель смотрит на меня ещё секунду, и мне кажется, что в его взгляде мелькает что-то понимающее, будто он видит мою ложь, но не собирается устраивать допрос.

— Конечно, — просто говорит он. — Завтра уезжаю на рассвете. Если успеете, буду рад компании. Теперь о главном.

Он встаёт и подходит к полке с разными склянками и мешочками. Достает небольшой холщовый мешочек и вручает его мне.

— Корни чёрного цветка. Бросьте в нору нахлюба. Этого хватит на несколько недель. А потом... ну, потом придётся браться за косу и серп, соседка.

Я беру мешочек. Он тяжёлый, и из него исходит резкий, горьковатый запах.

— Спасибо вам, — говорю я, и эти слова наполнены такой искренней благодарностью, что касаются не только корней или завтрашней поездки, но и завтрака, и простого человеческого участия. — Большое спасибо за всё.

— Пустяки, — улыбается он, провожая меня к двери. — Мы, жители окраин, должны держаться вместе. До завтра, Фаина. И возьмите от меня ещё один подарок.

Он протягивает мне небольшую головку ароматного козьего сыра, завернутого в тряпицу. Я принимаю с улыбкой на губах, это так кстати, значит сегодня я не буду голодать, а смогу на обед и ужин кушать сыр с ягодами. Просто великолепно!

— До завтра, Авель.

Выхожу на улицу, сжимая в одной руке мешочек с корнями, в другой ароматный сыр. Солнце светит ярко, и впервые за долгое время будущее не кажется мне таким уж тёмным и пугающим. Появился союзник. Появился план. И завтра я поеду в город и смогу приобрести что-то на первое время.

Возвращаюсь в свою усадьбу с чувством лёгкой эйфории. Сейчас брошу эти корни в нору, проверю дракончика, и может быть, даже попробую привести в порядок одну из комнат...

Переступаю порог кухни и замираю. Воздух серый от клубов пыли. На полу множество осколков. Вся посуда, что так аккуратно стояла за стёклами буфета, теперь разбита. Деревянные тарелки с трещинами, глиняные горшки вдребезги, даже тяжёлый керамический кувшин разбит пополам. По кухне будто пронёсся ураган.

— Дракон? — тихо зову я, сердце замирает от дурного предчувствия. — Где ты?

В ответ тишина. Ни довольного урчания, ни шелеста в корзине. Я подбегаю к его углу. Платформа, на которой спал дракончик, пуста, а тряпки разбросаны по полу.

Паника, острая и холодная, сжимает горло. Он сбежал? Его кто-то унёс? Или... или это он сам устроил этот погром?

Обежав всю кухню взглядом, я замечаю на каменном полу, среди осколков, несколько глубоких царапин. Длинных, острых, явно оставленных когтями. И веду они не к двери, а вглубь дома, в тёмный коридор, где я ещё не была.

глава 11

Мой взгляд прикован к чёрному провалу коридора. Оттуда пахнет старой пылью, тайной и... страхом. Мой собственный страх, густой и липкий, будто исходит от тех самых стен. Ноги словно вросли в каменные плиты, отказываясь сделать шаг вперёд. А что, если он там, испуганный и беззащитный? А что, если там не только он? Воспоминание о шлёпающих шагах и чёрной жидкости под дверью снова оживает в памяти, и по спине бегут мурашки.

«Я не могу, — шепчет во мне голос слабости. — Не смогу».

Заставляю себя сделать шаг. Потом второй. Каждый даётся с невероятным усилием, будто я толкаю перед собой невидимую, тяжёлую стену. Останавливаюсь в двух шагах от начала коридора, дрожа, как осинный лист, готовая в любой момент развернуться и убежать.

И тут происходит чудо.

Прямо в глубине коридора, в самой дальней его точке, вспыхивает мягкий, золотистый огонёк. Он не похож на пламя свечи — он парит в воздухе, тёплый и живой. За ним, чуть ближе ко мне, загорается второй. Потом третий. Они возникают один за другим, образуя мерцающую цепочку, уводящую вглубь дома. Они не освещают всё вокруг, а лишь мягко подсвечивают путь, словно говоря: «Иди сюда. Только сюда».

Я заморожено смотрю на этот магический путь. И в этот момент в моём сознании, ясно и неоспоримо, возникает тот самый бархатный голос. В нём нет упрёка, только безмерная, древняя уверенность:

«Ты здесь Хозяйка. Ничего не бойся».

Эти слова попадают прямо в душу, как камень в гладкую поверхность воды, рассеивая круги страха. Дом. Дом ведёт меня. Дом защищает.

Я делаю глубокий вдох, расправляю плечи и твёрдо ступаю в коридор.

Шагаю вперёд, и плавающие огоньки мягко рассеивают мрак, выхватывая из тьмы запертые двери с потемневшими от времени ручками. Они словно молчат, храня свои секреты, подчиняясь общему приказу не отвлекать Хозяйку. Весь мой фокус прикован к концу коридора, где золотистый свет собирается в яркое пятно, очерчивая массивную, грубо сколоченную дверь. Она приоткрыта.

Из щели тянет странным, но не отталкивающим воздухом — пахнет пылью, старой древесиной и чем-то сладковатым, ягодным. Сердце на мгновение замирает. Но цепочка огоньков не прерывается. Они уходят вниз, за дверь, вырисовывая первые ступени крутой каменной лестницы. В подвал.

«Ты здесь Хозяйка», — снова, уже беззвучно, напоминаю я себе, чувствуя, как по спине пробегает холодок от предвкушения.

Я подхожу к двери и осторожно просовываю голову в проём. Вниз уходит узкая, крутая лестница, тонущая в глубоком мраке, который отступает лишь на несколько шагов перед нерушимой цепочкой магических огней. И из этой тьмы, из самой глубины, доносится тихий, довольный, ритмичный звук. Чавк... чавк... чавк...

Этот звук... он не пугающий. Он... знакомый? Но масштаб другой. Словно кто-то очень большой с наслаждением уплетает что-то вкусное.

Я делаю глубокий вдох и ставлю ногу на первую ступеньку. Камень ледяной и шершавый. Потом на вторую. С каждой ступенькой вглубь звук становится отчётливее, а сладкий ягодный аромат гуще. Он напоминает мне... ежевичное варенье? Но откуда ему здесь взяться?

Мои пальцы разжимаются, и я уже не так сильно сжимаю мешочек с корнями. Огоньки плывут передо мной вниз, освещая всё более широкое пространство. Я почти внизу. Ещё несколько ступеней.

Я замираю на последней ступеньке, и огоньки расступаются, мягко заполняя светом центр подвала.

И я вижу его.

Мой дракончик.

Тот самый, что вчера ещё умещался в небольшой корзине.

Теперь он ростом с хорошую корову. Его дымчато-серая чешуя переливается в магическом свете, а мощные лапы с когтями, способными оставить царапины на камне, расслабленно вытянуты в разные стороны. Он сидит, обернув свой длинный хвост вокруг себя, и с довольным видом жуёт.

Перед ним огромная, старинная дубовая бочка, доверху наполненная чем-то тёмно-фиолетовым и липким. Он зачерпывает содержимое целой лапой и, причмокивая, отправляет в пасть, смакуя и жмурясь от удовольствия. Это и есть источник чавканья и сладкого запаха. Ежевичное варенье. Целая бочка варенья. Обалдеть!

Дракончик поднимает голову, и его фиолетовые глаза, теперь размером с блюдце, смотрят на меня в полумраке. В них нет ни агрессии, ни страха. Только спокойное узнавание и ленивое удовольствие. Он коротко урчит, приветствуя меня, и вибрация этого звука отзывается в каменных стенах подвала.

Я медленно спускаюсь с последней ступени, не в силах сдержать улыбку. Разгром на кухне, разбитая посуда... Это всё он. Дракон просто искал еду. И нашёл. С размахом.

— Вот ты где, обжора, — тихо говорю я, и облегчение смывает последние остатки страха. — Нашёл, значит, кладовку покрупнее. Всё с тобой понятно.

Рука сама тянется погладить его по шершавой чешуе на большой голове с роговыми отростками, пальцами пробегаю по костяным пластинам и сама удивляюсь своей смелости. А ведь он сейчас такой большой, что вполне может и меня слопать, закусив потом ежевичным вареньем. И словно почувствовав мои мысли, дракон поворачивает ко мне морду и издаёт протяжный рокочущий звук, успокаивая «я не опасен, не бойся меня».

Вздыхаю и, наконец, оборачиваюсь вокруг себя, оглядывая большое помещение подвала. Божечки, вот это находка. Видимо этот холодный каменный мешок был у тётушки главным продовольственным складом. Вдоль стен множество крепких деревянных стеллажей, а на их полках целые залежи банок, бочонков, свёртков, мешков и прочего, в чём явно хранится продовольствие.

Подхожу ближе и начинаю с интересом изучать содержимое склянок и деревянных ящиков.

глава 12

Подхожу ближе, и магические огоньки послушно плывут за мной, словно стайка светлячков-проводников. Они выхватывают из полумрака сокровища, одно за другим, и от этого зрелища у меня перехватывает дыхание.

Вот целая армия стеклянных банок, выстроившихся в безупречные ряды на прочных дубовых полках. Внутри — густой, тягучий мёд. Он не просто золотой, он живой: в мягком свете огоньков в его глубине играют искорки тёплого янтаря, спелой пшеницы и светлого чая. Он переливается, как расплавленное солнце, и кажется, что если прислушаться, то можно услышать тихое жужжание давно уснувших пчёл. Я осторожно провожу пальцем по прохладному стеклу, и на мгновение мне кажется, что я касаюсь самого лета.

Рядом, почтеннее и солиднее, выстроились дубовые бочонки. Наклоняюсь к одному из них, и нос тут же ловит знакомый, едкий, такой родной аромат — это квашеная капуста! А из-под крышки соседнего бочонка доносится терпкий запах укропа и чеснока — солёные огурцы. Слегка нажимаю на крышку, она не прогибается, закрома запечатаны на совесть.

Мой взгляд скользит дальше, к аккуратным холщовым мешкам, туго перетянутым бечёвкой. Протягиваю руку и ощупываю один из них сквозь грубую ткань. Под пальцами чётко проступают твёрдые, гладкие зёрна. Овёс. Перебираюсь к следующему мешку, здесь зёрна помельче, ячмень. А вот и самый желанный, мягкий и пыльный на ощупь даже сквозь ткань — мука! Сердце замирает на секунду: а вдруг она отсырела, в ней жучки или плесень? Я лихорадочно развязываю затянутый узёл и засовываю руку внутрь. Пальцы погружаются в прохладную, шелковистую пыль. Подношу горсть к лицу, нет, никакого затхлого запаха, только чистый, нейтральный аромат будущего хлеба. дую на неё, и мелкие частички вздымаются облачком в воздух. Идеальная.

В отдельном, словно специально сколоченном для них ящике, уложенные в ряд, как спящие солдатики, лежат корнеплоды. Каждый аккуратно переложен сухими, золотистыми опилками, чтобы не сопрели. Беру в руку морковку — она твёрдая, упругая, её ярко-оранжевая кожица лишь слегка сморщилась от времени, но не потеряла своего цвета. Рядом тёмно-бордовая, солидная свёкла и бледно-лиловая, круглая, как мячик, репа. Они все... совершенно свежие. Будто их собрали вчера, а не бог весть сколько лет назад.

Именно в этот момент до меня доходит вся невероятность этой находки. Это не просто еда. Это спасение. Это безопасность. Это уверенность в завтрашнем дне, которую у меня отняли вместе с браком и домом в городе. От одной этой мысли комок подкатывает к горлу, а на глаза наворачиваются предательские слёзы облегчения. Я вытираю их тыльной стороной ладони и смеюсь сквозь подступающие рыдания.

Уже представляю, как поставлю на плиту котелок, как засыплю в кипящую воду душистый овёс, как по дому поползёт уютный, согревающий душу аромат настоящей каши. А потом я возьму эту волшебную муку, замешу тесто и напеку лепёшек: румяных, пузырящихся на раскалённой сковороде, пахнущих детством и домом, которого у меня так давно не было.

И тут мой взгляд падает на самый дальний, самый тёмный угол подвала. Туда огоньки не плывут, будто не смея нарушить границу. Но я всё равно что-то вижу. Дверь.

Она не похожа на ту, что ведёт сюда, сверху. Эта дверь массивная, из тёмного, почти чёрного дерева, с инкрустациями из тусклого металла, складывающимися в странные, витиеватые узоры. На ней нет ни ручки, ни замочной скважины, ни даже намёка на петли. Она просто есть, будто выросла в каменную кладку.

Любопытство гонит меня вперёд. Я подхожу и осторожно прикасаюсь к дереву. Поверхность холодная и неожиданно гладкая. Нажимаю ладонью. Ничего. Пытаюсь поддеть ногтями в месте стыка со стеной — безуспешно. Потом, собравшись с духом, упираюсь плечом и с силой

толкаю. Мышцы напрягаются до дрожи, но дверь не шелохнулась, будто это не древесина, а цельная гранитная глыба.

— Что же ты такое? — шепчу я, отступая и с досадой глядя на неподдающуюся преграду.

И в этот миг в моей голове, как ясная и неоспоримая мысль, рождается голос Дома. Он звучит не утешительно, а твёрдо, словно отец, убирающий от ребёнка опасную игрушку:

«Тебе туда ещё рано».

Я замираю, чувствуя лёгкий укор. Но вместе с ним приходит и странное спокойствие. Дом знает. Значит действительно рано. И когда-нибудь, когда я буду готова, эта дверь откроется. А пока... Пока у меня есть подвал, полный еды, и огромный дракон, чавкающий вареньем. И завтра — поездка в город с соседом, который, кажется, совсем не страшен.

Поворачиваюсь к своему питомцу. Он доел варенье и теперь с довольным видом вылизывает лапу, перепачканную в фиолетовых подтёках.

— Ну что, великан, — говорю я, снова подходя к нему. — Поможешь мне перетащить продукты наверх? Нам с тобой нужно основательно подкрепиться перед большим днём.

Дракончик поднимает на меня свои светящиеся глаза и издаёт тот самый мурлыкающий звук, от которого по коже бегут мурашки. Кажется, мы друг друга поняли.

Я беру с полки небольшой мешочек с овсом, ещё один с мукой, нахожу возле стены деревянное ведро и наполняю его банками и овощами. Дракон наблюдает за мной с ленивым интересом, переваливаясь с лапы на лапу.

— Ну, — обращаюсь я к нему, — если уж ты вырос до таких размеров, мог бы и помочь.

Он наклоняет голову, словно обдумывая предложение. Затем его хвост плавно обвивается вокруг тяжёлого ведра и приподнимает его с лёгкостью пёрышка. Я смотрю на это с восхищением и лёгкой завистью — мне бы такую силу!

Мы поднимаемся по лестнице, я с овсом и мукой, дракон с полным ведром добра. В кухне аккуратно складываем ношу в угол, после чего мой питомец с довольным видом устраивается рядом, явно ожидая продолжения банкета.

— Нет уж, — строго говорю я, — ты умял полбочки варенья, имей совесть. Следующий твой приём пищи чуть позже, сходи лучше почихай на пыль, чтобы чище стало, — последнюю фразу я произношу в шутку, и дракончик, кажется, это понимает.

Достаю с верхней полки чудом уцелевший после погрома горшок, засыпаю в него овёс, заливаю водой из чудесного крана. Пока каша варится, принимаюсь за тяжёлую работу: разбираю завал из осколков посуды. Дракон наблюдает за мной, и в его глазах читается что-то похожее на вину.

— Ничего, — успокаиваю я его, — когда-нибудь у нас появится новая, ну а пока учись быть аккуратнее.

Он тихо урчит в ответ.

Осколки разбитой посуды решаю собрать в мешок, который нашла на полке в кладовой, и высыпать в нору нахлюба вместе с корнем чёрного цветка, которым меня наградил Апель.

— Пойдём на улицу, котёночек, нам предстоит большое дело. Мешок с осколками прихвати, пожалуйста. Будешь мне помогать, я буду тебя вкусно кормить.

Дракончик гортанно рокошет, но не упрямится, обхватывает хвостом мешок с мусором и идёт за мной во двор.

глава 13

Я беру мешочек с корнями чёрного цветка — твёрдые, узловатые, пахнущие горькой пылью и выхожу во двор, подманивая за собой своего питомца.

Подходим к злополучной норе. Утреннее солнце ярко освещает заросли ежевики, и мы видим неестественно гладкие, будто вылизанные мокрой глиной стенки. От этой глубокой дыры по-прежнему тянет лёгким, неприятным холодком.

— Ну что ж, — говорю я, больше для собственной бодрости. — Давай, помощник, высыпай осколки прямо туда. Может, пораним нежную кожицу нашему подземному соседу, и ему не захочется сюда возвращаться.

Дракон с лёгкостью опрокидывает мешок. Слышится сухой, позвякивающий шум керамики и стекла, осколки катятся в темноту. Затем я развязываю мешочек Авеля и, зажмурившись от ожидания чего угодно, высыпаю корни следом.

Сначала ничего. Тишина. И вдруг из глубины доносится приглушённый, булькающий звук, словно кто-то гигантский и недовольный прочищает горло. Земля у входа в нору слегка вздрагивает. Затем раздаётся оглушительное, обиженное чмокание, и тот самый сладковато-гнилостный запах на секунду становится густым и невыносимым.

Я отскакиваю на шаг, а дракон, наоборот, настораживается, издавая низкое предупредительное рычание в сторону норы. Но больше ничего не происходит. Тишина. Только ветер шелестит листьями.

— Надеюсь, это сработало, — выдыхаю я, чувствуя, как напряжение понемногу спадает.

Возвращаемся в дом. Каша как раз дошла до нужной кондиции. Я раскладываю её по уцелевшим мискам: себе и дракону. Для него приходится использовать небольшой тазик, обычная миска теперь кажется игрушечной по сравнению с этой наглой мордой. Мы едим вместе, сидя на кухонном полу. Я с ложкой, а он, аккуратно зачерпывая пищу когтистой лапой. Зрелище, надо сказать, фантастическое.

После еды мы с дракончиком снова выходим в сад поработать. Я нахожу в заваленном хламом сарае грабли, мой питомец топчется по зарослям своими лапами, ломая ветки, которые я потом успешно сгребаю в кучу. Когда куча становится достаточно большой, дракончик благополучно её поджигает, и участок заметно преобразается. Да, работа идёт небыстро, но заросли под нашим напором расступаются, и я довольно люблюсь нашими первыми плодами труда.

После ударной борьбы с кустами и сорняками я решаю, как и хотела нажарить лепёшек, замешиваю тесто, разогреваю масло на сковороде и начинаю выкладывать тонкие пластинки на скворчащую посудину. Дракончик в это время что-то делает в холле, я попросила его ничего не рывать, он вроде меня понял, посмотрим.

Когда блюдо с лепёшками оказывается на столе, в дверной проём кухни заглядывает перепачканная пылью и паутиной мордочка.

— Здравсте приехали, ты где успел так вымазаться? — всплёскиваю руками, недовольно хмурясь, а дракончик издаёт нетерпеливый рокот и отступает назад, словно зовёт за собой.

Выхожу в холл и удивлённо ахаю. Лестница на второй этаж блестит чистотой так, словно она только что поставлена и покрыта лаком.

— Как ты это сделал? Неужели ты сам решился на это? — смотрю на своего помощника и вижу, как он растягивает пасть словно в улыбке. — Какой же ты хороший, спасибо.

Возвращаемся вместе на кухню, умываю его морду влажным полотенцем и угощаю моего «котёночка» лепёшками. В тазик наливаю чистой воды и с благодарностью провожу рукой по его загривку. Дракончик урчит, прямо как довольный кот.

— Так, — говорю я, больше думая вслух. — С едой теперь проблем нет. Но тебе, мой милый «котёночек», нужно новое место для сна. Твоя корзина явно тебе мала. И... — я окидываю его критическим взглядом, — мне кажется, или ты снова подрос, пока ел?

Дракон виновато опускает голову, словно признавая этот факт. Его холка теперь выше до столешницы.

— Ладно, — вздыхаю я. — Значит, будем искать тебе новую «спальню».

Вечер застаёт нас за странным, но мирным занятием: я пытаюсь обустроить дракону лежанку из старых половиков и одеял в самом большом углу кухни, а он с интересом наблюдает и «помогает», перетаскивая хвостом то один, то другой коврик.

Наконец, импровизированное логово готово. Дракон с довольным видом укладывается на него, занимая почти половину кухни. Я гашу свечу и устраиваюсь на своей кровати, прислушиваясь к его ровному, гулкому дыханию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.